

© 2017 г.

В.В. КОЖЕВНИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ АКТОВ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Кожевников Владимир Валентинович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. И. Достоевского (Омск, Россия) (E-mail: kta6973@rambler.ru).

Kozhevnikov Vladimir V. – Doctor of Law, professor of department of theory and history of state and law of Omsk state University named F. I. Dostoevsky (Omsk, Russia) (E-mail: kta6973@rambler.ru).

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся содержания актов применения норм права; классифицируются подходы к определению содержания данных правовых актов; подчеркивается, что оно обуславливает и форму, и структуру, и наименование данных актов; утверждается, что содержанием этих актов применения права являются субъективные права, юридические обязанности и различные меры государственного принуждения; обосновывается необходимость в структуре актов применения права выделять доказательственную часть.

Abstract: in article are considered questions, concerning the content of acts of application of norms of law; classified approaches to the definition of the content of these legal instruments; stresses that it determines the form and structure, and the name of the data acts; argues that the content of these acts of law are subjective rights, legal duties, and various measures of state coercion; the necessity in the structure of acts of law to allocate the evidentiary part.

Ключевые слова: применение, акты, содержание, форма, структура, государственное принуждение, юридическая ответственность, правовое регулирование.

Key words: application, certificates, content, form, structure, state coercion, legal responsibility, legal regulation.

Анализ юридической литературы показывает, что отечественные ученые – теоретики права, рассматривающие так или иначе вопросы, касающиеся форм актов правоприменения, как письменных (официальных документов), так и иных (устных, в том числе конклюдентных, в виде резолюций и др.), не уделяют должного внимания их содержанию.

В философской науке содержание трактуется как материальное основание, обуславливающее изменение вещи; это – совокупность взаимодействий различных сторон и свойств предмета, выполняемых этим предметом функций¹. Обращается внимание на то, что содержание и форма не существуют друг без друга. Не бывает “голо” и “чистой”, бессодержательной формы. В действительности содержание и форма находятся в органической взаимосвязи, образуют неразрывное единство. В этом взаимоотношении ведущую роль играет содержание. Оно обуславливает изменение формы². Рассматривая эти философские категории, отмечается, что они отражают взаимосвязь двух сторон природной и социальной реальности: определенным образом упорядоченной совокупности элементов и процессов, образующих предмет или явление, т.е. содержание, и способы существования и выражения этого содержания, его различных модификаций, т.е. формы. Понятие формы употребляется также в значении внутренней организации содержания, и в этом

значении проблематика формы получает дальнейшее развитие в категории структуры³.

Д. А. Керимов считает, что понятие “содержания права включает... его определенное внутреннее состояние, сложную систему связей и отношений его компонентов как между собой, так и с внешней средой, которые характеризуются многими признаками, направленностью, целью, перспективами”⁴. И далее ученым подчеркивается, что именно этот момент содержания права детерминирует (и, вместе с тем, объясняет) особенности той или иной правовой формы, которая имманентна специфическому состоянию развивающегося содержания. При всем многообразии и разнообразии внешних форм выражения права все они, так или иначе, но в конечном итоге зависят от своего содержания⁵. В свое время на этом обстоятельстве заострял внимание М. А. Аржанов. “Содержание, – писал он, – может выступать в различных, но не в любых формах. Форма может быть формой различного, но не всякого содержания. Полной самостоятельности, полного безразличия здесь нет и быть не может, как бы велика она в отдельных случаях ни была”⁶.

На наш взгляд, актуальность проблемы содержания актов правоприменения определяется тем, что оно

¹ См.: Краткий словарь по философии / Под общ. ред. И. В. Блауберга и др. М., 1970. С. 291.

² См.: там же. С. 292.

³ См.: Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 372.

⁴ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 179, 180.

⁵ См.: там же. С. 180.

⁶ Аржанов М. А. Соотношение государства и права // Сов. гос. и право. 1941. № 2. С. 29.

обуславливает и формы их выражения, и структуру, и наименование.

Полагаем, что научные позиции определения актов правоприменения с точки зрения их содержательной стороны можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа авторов приводит такие понятия актов применения права, в которых вообще не отражено содержания последних. Примером может служить определение акта применения права С. С. Алексеева, писавшего, что правоприменительные акты порождают те или иные последствия в процессе применения права⁷. Следует признать, что с точки зрения содержательной стороны акта применения права, более предпочтительной является позиция, согласно которой применение права понимается как юридический документ, в котором фиксируются правовые последствия вынесенного решения для конкретных адресатов нормы права⁸.

Вторую группу ученых представляют те теоретики права, которые содержание правоприменительных актов сводят к официальным предписаниям (велениям), представляющим собой решение по юридическому делу на основе нормы права в отношении конкретных обстоятельств и персонально определенного круга лиц⁹.

Третья группа объединяет тех авторов, которые полагают, что правоприменительный акт — это индивидуальный правовой акт, изданный на основе правовых норм и юридических фактов, определяющий права и обязанности конкретных субъектов¹⁰ и меры таких прав и обязанностей¹¹. Очевидно, что в данном случае речь идет о субъективных правах и юридических обязанностях — мерах, соответственно, возможного и должного поведения субъектов правоотношений, гарантируемых государством.

В связи с рассмотрением данной позиции обращает на себя внимание точка зрения М. И. Абдулаева и С. А. Комарова, а также С. В. Бошно, которые приводят полностью идентичное положение, согласно которому “в отличие от нормы права акт применения ограничен рамками конкретного случая и касается индивидуально — определенных субъектов, наделяя их конкретными полномочиями и налагая обязанности”¹². Критически оценивая приведенное

положение, следует, во-первых, в категоричной форме сказать, что не совсем корректно сравнивать содержание одного правового акта (нормативно-правового, иного юридического источника права) с внешней формой выражения другого правового акта (акта правоприменения). Думается, что данным авторам следовало бы акцентировать внимание на различии данных правовых актов с точки зрения именно содержания. Во-вторых, вызывает большие сомнения введение в содержание акта правоприменения такой категории, как полномочий, которые ассоциируются с правовым статусом должностных лиц. В этом отношении следует признать вполне обоснованной утверждение коллектива авторов: И. В. Гоймана-Калинского, Г. И. Иванца и В. И. Червонюка о том, что полномочие — это предоставление государственному служащему (должностному лицу) в соответствии с занимаемой должностью права и возложение юридической обязанности для совершения юридически значимого действия. Данные ученые обращают внимание на то обстоятельство, что полномочие — это соединение юридической обязанности, возложенной на должностное лицо (государственный орган), с правом. Отдельного права вне связи с юридической обязанностью у такого лица (органа) не существует. С точки зрения данных ученых, право — это объем и форма свободы (юридической возможности), предоставляемой исключительно для исполнения юридической обязанности. Право не “сливается” с обязанностью, но оно властно напоминает о необходимости осуществить действия, предписанные обязанностью¹³.

Четвертая группа объединяет точку зрения авторов, утверждающих, что содержание актов применения права раскрывается через такие категории, как субъективные права, юридические обязанности и мера юридической ответственности. Так, С. А. Комаров пишет о том, что акты применения определяют субъективные права и субъективные юридические обязанности участников конкретного правоотношения, устанавливают меру ответственности за совершенное правонарушение¹⁴. Подобные положения высказывают и другие ученые¹⁵.

Думается, что наиболее полное определение правоприменительного акта дано Ф. А. Григорьевым, который последний понимает как государственно-властный индивидуально определенный юридический акт, выраженный в конкретной форме и вынесенный компетентным субъектом права на основании и во исполнение юридической нормы, разрешающий конкретное юридическое дело путем установления субъективных прав и юридических обязанностей либо определения меры государственного воздействия на правонарушителей, отвечающий

⁷ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Учеб. М., 2008. С. 250.

⁸ См., например: Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. Учеб. Ростов-н/Д., 2010. С. 592; Теория государства и права. Учеб. / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2009. С. 331; Радько Т. Н. Теория государства и права. Учеб. М., 2005. С. 623.

⁹ См.: Малахов А. В. Теория государства и права. Учеб. М., 2007. С. 378; Ромашов Р. А. Теория государства и права. Краткий курс. СПб., 2010. С. 232; Червонюк В. И. Теория государства и права. Учеб. М., 2006. С. 529; Рассказов Л. П. Теория государства и права. Учеб. М., 2008. С. 374; Абдулаев М. И. Теория государства и права. Учеб. М., 2007. С. 378; и др.

¹⁰ См.: Власов В. И., Власова Г. В. Теория государства и права. Учеб. пособие. Ростов н/Д., 2011. С. 253; Общая теория права и государства. Учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 176.

¹¹ См.: Ковалева Е. Л. Правоприменение // Проблемы теории государства и права. Учеб. / Под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 346.

¹² Абдулаев М. И., Комаров С. А. Проблемы теории государства и права. Учеб. СПб., 2003. С. 476; Бошно С. В. Теория государства и права. Учеб. пособие. М., 2007. С. 228.

¹³ См.: Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права. Учеб. пособие / Под ред. В. И. Червонюка. М., 2003. С. 378.

¹⁴ См.: Комаров С. А. Теория государства и права. Курс лекций. М., 1995. С. 217.

¹⁵ См.: Скакун О. Ф. Теория государства и права. Учеб. Харьков, 2000. С. 430; Перевалов В. Д. Теория государства и права. Учеб. М., 2012. С. 275, 276; Чистяков Н. М. Теория государства и права. Учеб. пособие. М., 2010. С. 184; Василенко А. И., Максимов М. В., Чистяков Н. М. Теория государства и права. Учеб. пособие. М., 2007. С. 165; Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Тимошенко И. В., Шапсугов Д. Ю. Теория государства и права. Учеб. Ростов-н/Д., 2003. С. 556.

требованиям законности и направленный на правомерную организацию осуществления права¹⁶.

В основном соглашаясь с автором в трактовке акта правоприменения, следует сделать следующее принципиальное замечание: в данном определении необоснованно используется термин “воздействие”, который, на наш взгляд, предполагает такие несобственно-юридические каналы воздействия, как информационный, представляющий индивиду сведения о правомерном (должном, дозволенном, запрещенном) поведении, и ценностно-ориентационный, способствующий формированию у людей позитивной идеологии, взглядов, ценностей, убеждений, идеалов, соответствующих одобряемым обществом и государством ценностям, а также правовое регулирование, т.е. правовое воздействие, осуществляемое с помощью системы юридических средств (норм права, правоотношений, актов реализации и т.д.), которые могут быть ориентированы не только на правонарушителей, но и на законопослушных лиц.

Полагаем, что здесь должна идти речь не о мерах государственного воздействия, а о мерах государственно-правового принуждения. Перечень последних весьма разнообразен. Речь должна идти и о мерах предупредительного воздействия (профилактических, превентивных), заключающихся в комплексе официальных мероприятий, производимых от имени государства и направленных на обнаружение возможных рисков (факторов, средств), которые в будущем могут привести к совершению противоправных деяний (плановые и внеплановые проверки, проводимые различными контрольно-надзорными органами власти; меры предварительного прокурорского реагирования (вынесение предостережений); обыски, выемки и др.; меры пресечения с целью прекратить уже имеющее место правонарушение (совершаемое противоправное деяние) и предотвратить (минимизировать) общественно вредные последствия соответствующего поведения (привод, административное задержание, домашний арест, заключение под стражу и т.д.); меры защиты (правовосстановительные меры), предназначенные для восстановления нарушенных или оспариваемых прав, как имущественных, так и неимущественных (восстановление на работу незаконно уволенного работника, обявление судом лица вернуть собственнику неправомерно удерживаемое имущество либо неосновательное обогащение, понуждение судом государственного органа выдать разрешительный документ (лицензию) при наличии незаконного отказа в его выдаче) и др.; принудительные меры воспитательного характера, применяемые по постановлению суда к несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой или средней тяжести (предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, специализированного органа); возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению; принудительные меры медицинского характера, назначаемые судом лицам, совершившим преступления в состоянии невменяемости; лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое

расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключаями вменяемость (амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, принудительное лечение в психиатрическом стационаре (общего, специализированного или специализированного с интенсивным наблюдением типа), и реквизиция, заключающаяся в изъятии по решению государственного органа имущества в случае стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах в интересах общества¹⁷.

Правовое принуждение (государственное принуждение) в юридической литературе понимается, как “основанное на организованной силе и юридических нормах, осуществляемое специальным аппаратом воздействие на поведение людей, ограничивающее их самоопределение в целях подчинения их поведения воле государства”¹⁸. Причем основаниями государственного принуждения, т.е. юридически значимыми фактами, служащими поводом для принудительного воздействия, являются не только правонарушения, как считают ряд авторов¹⁹, но и иные нежелательные явления, которые причиняют или могут причинить вред интересам личности, общества, государства²⁰. Некоторые авторы признают в качестве оснований государственного принуждения и противоправное поведение, и возникновение экстремальных социальных условий²¹. В. В. Серегина полагает, что “основанием, вызывающим применение принуждения для обеспечения правового регулирования, является, прежде всего, наличие в деянии обязанного субъекта состава правонарушения либо наступления иных обстоятельств (юридических фактов), требующих применения государственно-принудительных мер воздействия для обеспечения и защиты субъективных прав заинтересованных лиц...”²².

Негативные юридические факты, влекущие правоохранительную реакцию государства, В. Д. Ардашкин предложил назвать правовыми аномалиями и считать их самостоятельной разновидностью юридических фактов, не

¹⁶ См.: Григорьев Ф. А. Признаки и классификация актов применения права // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1968. С. 93.

¹⁷ См.: Кузьмин И. А. Юридическая ответственность и ее реализация. Учеб. пособие. Иркутск, 2013. С. 47–49.

¹⁸ Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Указ. соч. С. 461.

¹⁹ См.: Фарушкин М. Х. Вопросы общей теории юридической ответственности // Правоведение. 1969. № 4. С. 29, 30; Студеникина М. С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Сов. гос. и право. 1968. № 10. С. 22.

²⁰ См.: Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 29, 30; Базылев Б. Т. Государственное принуждение и правовые формы их осуществления в советском обществе. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1968. С. 3, 4; Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 1. М., 1981. С. 267; Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Гос. и право. 2004. № 12. С. 13.

²¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 1. С. 269, 270; Каплунов А. И. Указ. соч. С. 13; Базылев Б. Т. Социальное назначение государственного принуждения в советском обществе // Правоведение. 1968. № 5. С. 34.

²² Серегина В. В. Указ. соч. С. 22.

сводимой ни к правонарушениям, ни к событиям²³. В данном случае весьма трудно согласиться с ученым, который в качестве основания применения государственного принуждения называет и события, которые, как известно, определяются в качестве конкретных жизненных обстоятельств, не зависящих от воли субъектов правоотношений.

Таким образом, вышеизложенные положения позволяют сделать вывод о том, что юридическое содержание актов применения права выражается в субъективных правах и юридических обязанностях, а также в мерах государственно-правового принуждения, применяемых за совершение как правонарушений, так и при наличии иных нежелательных для личности, общества и государства явлений.

Ранее подчеркивалось, что содержание акта правоприменения обуславливает его структуру (лат. *structura* — строение), т.е. строение и внутреннюю форму организации системы, выступающую как единство и устойчивые взаимосвязи между ее элементами²⁴. Подавляющее большинство российских ученых, рассматривая вопрос о структуре актов применения, выделяют по максимуму следующие его части: вводную, содержащую наименование акта (приговор, решение, постановление и т.д.), место и дату принятия, наименование органа или должностного лица, которое принимает решение, по какому делу; констатирующую, описывающую факты, являющиеся предметом рассмотрения; фиксируется, когда, где, кем, при каких обстоятельствах и какими способами совершено деяние; мотивировочную, включающую анализ доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие фактических обстоятельств, их юридическую квалификацию и ее обоснование, указание на процессуальные нормы, которыми руководствовался правоприменитель, и резолютивную, фиксирующую решение по делу (о юридической квалификации деяний, о правах и обязанностях сторон, об избрании меры юридической ответственности виновным лицам (иные меры государственно-правового принуждения). — *В.К.*)²⁵.

Думается, что в структуре некоторых актов правоприменения, особенно основных охранительных (например, приговор суда), следует выделять в качестве самостоятельной доказательственную часть, которая как бы “вклинивается” в описательную соответствующих правовых актов. На практике она формулируется выражением типа: “это подтверждается, например, показаниями

свидетеля”. Полагаем, что необходимость доказательственной части обуславливается обстоятельством, согласно которому “знания о юридических фактах приобретают характер убеждения в процессе доказательственной деятельности; в состав последнего входят только истинные знания, полученные на основе всестороннего, полного и объективного исследования всей совокупности обстоятельств дела (проблема объективной истины). Поэтому в процессе формирования внутреннего убеждения при помощи профессионального правосознания (его уголовно-правовой и процессуальных сфер) происходит выделение специфической группы фактов, имеющих юридическое свойство доказательств”²⁶.

Интересно заметить, что ученые, не склонные выделять доказательственную часть актов применения, тем не менее, косвенно ее признают. Так, В. И. Шепелев пишет о том, что “особое значение имеет требование доказанности тех или иных юридических фактов, выявление их обоснованности, истинности или ложности”²⁷. В. В. Лазарев в связи с этим отмечал, что целью первой стадии (установление юридических фактов и юридических составов) является достижение фактической объективной истины, и поэтому особое внимание законодательство уделяет доказыванию, в ходе которого фиксируется, какие обстоятельства нуждаются в доказывании, а какие — нет (общеизвестные, презумпции, преюдиции), какие факты доказываются строго определенными средствами (например, экспертизой)²⁸.

Проблема состоит в том, что правоприменитель “не может наблюдать фактические обстоятельства непосредственно, потому что они, как правило, относятся к прошлому. Поэтому они подтверждаются доказательствами — следами прошлого, которые имеют материальный и нематериальный характер и зафиксированы в документах (показания свидетелей, протокол осмотра места происшествия, заключение эксперта и др.)”²⁹.

В заключение следует подчеркнуть, что изложенные в настоящей статье и в определенной степени аргументированные общетеоретические положения, касающиеся содержания, структуры и форм актов применения норм права, могут послужить импульсом для дальнейших научных изысканий в области теории правоприменения.

²³ См.: *Ардашкин В. Д.* К теории правоохранительного механизма // Правоведение. 1988. № 1. С. 12.

²⁴ См.: *Философский словарь* / Под ред. М. М. Розенталя. С. 395.

²⁵ См.: *Шабуров А. С.* Реализация, применение и толкование права // Теория государства и права. Учеб. / Под ред. В. Д. Перевалова. М., 2007. С. 243.

²⁶ *Грошев А. В.* Профессиональное правосознание сотрудников органов внутренних дел (понятие, функции, проблемы формирования). Учеб. пособие. Екатеринбург, 1985. С. 28.

²⁷ *Шепелев В. И.* Реализация норм права // *Любашин В. Я., Смоленский М. В., Шепелев В. И.* Теория государства и права. Учеб. Ростов-н/Д., 2006. С. 426.

²⁸ См.: *Лазарев В. В.* Реализация права // *Общая теория права. Курс лекций* / Под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 364.

²⁹ *Скаун О. Ф.* Указ. соч. С. 425.